

## РОССИЯ И ВОСТОК

УДК 94(520)02

*В. Ю. Климов*

### ПЕРВОЕ ЯПОНСКОЕ ПОСОЛЬСТВО В РОССИИ (1862 г.)

Первые сообщения о намерении военного правительства Японии (бакуфу) направить дипломатические миссии в Америку и Европу российское правительство получало от консула в Хакодате. Первоначально известие о посылке посольства в Европу в виде предполагаемого кругосветного путешествия высокопоставленных чиновников бакуфу появилось в депешах И.А. Гошкевича (1815–1875). Главой делегации был «назначен один из так называемых здесь губернаторов для иностранных сношений Мурагаки Авадзи-но ками». Далее консул пишет о посылке также в кругосветное путешествие Морияма Такитиро: (в транскрипции Гошкевича — Такициро) (бывший Эйноске), хорошо известного русским из состава миссии Путятина. Называлось и время отправления — весна следующего 1860 года. «Весною отправятся на американском пароходе в Сан-Франциско, оттуда в Нью-Йорк, затем в Англию, Францию и Россию, и предполагают возвратиться по Амуру» [1, л. 59–59 об.].

В сообщении от 15 марта 1861 г. из Эдо Гошкевич уже конкретно сообщает об официальном намерении бакуфу отправить посольство в столицы европейских стран, с которыми к тому времени были заключены трактаты. Мурагаки Авадзи-но ками говорил о том, что японское правительство ищет подходящий военный корабль для этой цели. Российский консул предложил воспользоваться фрегатом «Светлана», с которого предварительно сняли бы пушки. Но японская сторона была заинтересована в покупке судна, а не в аренде. Гошкевич предложил было отправиться посольству в Европу через Сибирь, но его идея не была принята, и сам консул не стал настаивать на ней: это потребовало бы больших усилий и финансовых издержек российской стороны, чтобы привезти в Петербург «около 80 человек» [1, л. 97–97 об.]. Консул исходил из количественного состава посольства в США. Одним из руководителей делегации должен был стать, по сообщению консула, Тори Этидзэн-но ками. В том случае если японской стороне не удастся приобрести нужного судна, то она намеривалась воспользоваться предложением Ратэрфорда Олкока (1809–1897) и отправиться в Европу на военном английском корабле.

Верховный военный правитель Японии (тайкун) официально в лаконичной форме письмом уведомил Александра II о направлении в Россию миссии. В нем тайкун (大君) обращается к российскому императору (魯西亜国帝) со словами, что по договору, заключенному между Японией и Россией (статьи 3 и 6), японская сторона обязалась открыть для иностранцев два города — Эдо и Осака — и два порта — Хёго и один на западном берегу Хонсю (предположительно Ниигата). Но в связи с возникшими труднопреодолимыми препятствиями тайкун просил отложить их открытие на некоторое время. Ответственность за ведение этих переговоров он возложил на двух старших государственных советников (ро:дзю: 老中) Кудзэ Ямато-но ками (久世大和守) и Андо: Цусима-но ками (安藤対馬守). В конце письма тайкун выразил сердечную признательность российскому императору и пожелал мира и спокойствия России. Письмо датировано 1-м годом эры Бункю:, 3-ей луной, 14-м днем, т.е. 23 апреля 1861 г. по григорианскому календарю, и скреплено подписью. Копия письма хранится в библиотеке города Хакодате [2, с. 410–411].

От имени двух ро:дзю: по повелению тайкуна было отправлено развернутое письмо по сути рассматриваемого вопроса министру иностранных дел России. В преамбуле говорится, что российскому императору от тайкуна направлено было послание о том, что на протяжении почти 300 лет Япония не имела сношений с иностранными государствами. Но недавно российское посольство во главе с Путятиным посетило Японию, и был заключен договор с Россией, а также другими государствами: Францией, Англией, Голландией. Интересно отметить, что фамилия «Путятин» написана не каной, как это принято при транскрипции имен иностранцев, а иероглифами 布恬廷 [2, с. 412–415].

Статский советник Гошкевич в письме от 3 августа 1861 г. за № 58 сообщал Азиатскому департаменту Министерства Иностранных Дел Российской империи о направлении дипломатической миссии в Европу. Его об этом официально уведомило «Министерство Иностранных Дел» страны его пребывания. Были назначены четыре руководителя посольства: «1) Такеноуци Симоцке-но ками<sup>1</sup> бывший губернатор Хакодате, а ныне заведующий счетными делами по сношению с иностранцами 2) Мицуно Цикого-но ками<sup>2</sup> бывший при переговорах с графом Путятином в Симода, потом Губернатором Канагавы и по случаю убийства Мофета он был удален от сношений с иностранцами, но получил другое место несколько не ниже губернаторского, 3) Куваема Саэмондзэ<sup>3</sup> недавно назначенный Губернатором внешних сношений и 4) Кюгоку Ното-но ками<sup>4</sup> в качестве прокурора. Если им поручено будет вести какие-нибудь переговоры, то без сомнений будет главным деятелем Мицуно Цикуго-но ками отличающийся от прочих своим дипломатическим тактом и настойчивостью» [3, л. 1]. Из четырех представителей, которые должны были возглавить посольство, Гошкевич особо выделяет только Мидзуно Тикуго-но ками за его деловые качества. Но его исключили из состава делегации именно из-за убийства русских моряков в Йокогаме. Это могло вызвать негативные ассоциации в европейских столицах. На исключении также настаивал британский консул Олкок. Что касается Куваема, то его кандидатуру отвели, опять же по настоянию Олкока, из-за преклонного возраста [4, с. 19]. Интересно отметить, что сообщение было зарегистрировано в Азиатском департаменте за № 4590 28 ноября 1861 г.<sup>5</sup> То есть почта шла больше трех месяцев.

Получив эту информацию, в российском Министерстве иностранных дел рассматривали возможность встречи японского посольства в Египте с дипломатическим представителем России. Высказывалось предположение, что, вероятно, миссия отправится

на Ост-Индийском пароходе и проследует далее по суше через Каир и Александрию, а затем на пароходе в Европу [3, л. 3–3 об.].

Но поприветствовать японскую делегацию в Египте не удалось. И виною тому, вероятно, большие расстояния: много времени уходило на доставку дипломатической почты. На имя главы Азиатского департамента из Каира 18 / 30 марта 1862 г.<sup>6</sup> было отправлено сообщение, в котором дипломатический представитель России сообщал: «Предписание Вашего Превосходительства от 26 января сего года за № 348 я имел честь получить только 15 марта, два дня по отъезду из Египта Японского Посольства. Посольство это приехало в Суэц на английском военном пароходе, было встречено Суэцким губернатором и сопровождено до Каира особым чиновником египетским впрочем незначительного ранга. Здесь оно осталось четыре дня и приняло визит английского консула, а потом и французского уведомленного позднее о прибытии посольства и о намерении его посетить Париж» [3, л. 8–8 об.]. Далее в сообщении упоминается о борьбе между английским и французским консульствами. Посольство сопровождал до Александрии английский консул. Оттуда оно отправилось на английском военном транспорте «Гималаг», и «при выходе из порта сделан был ему с крепости надлежащий салют» [3, л. 8 об.].

Гошкевич в сообщении от 15 марта 1862 г., исходящий номер 14, пишет в Азиатский департамент: «Назначенное в Европу Японское Посольство отправилось из Едо в последних числах Декабря на Английском пароходе Один до Суэца». Письмо зарегистрировано 12 июля 1862 г. за № 3225. Консул прилагает к письму список состава посольства и перечень «подарков от Тайкуна для подношения Его Величества Государю Императору и для Членов Государственного Совета» [3, л. 5–7]. «Список отправившихся лиц» он разбивает на пять групп. В первую включил помимо полномочных представителей еще и Сибата Садатаро: (четыре человека), во вторую — «старших чиновников при Посольстве» (пять человек), в третью — «младших чиновников» (шесть человек), в четвертую — «толмачей» (четыре человека), в пятую — «счетчиков и писцов» (три человека). «Всего чиновников 22. При них слуг 14. Всего 36 человек» [3, л. 6 об.]. Российская сторона заблаговременно могла подготовить в свою очередь подарки для сёгуна. Так, Гошкевич указывает, что императору будут подарены «два сабли»<sup>7</sup>, седло, японские картины, книжный шкаф, письменный прибор, десять кусков японской парчи (Гошкевич пишет: «яматской парчи»), две парчовые занавески. Кроме того, для чинов Государственного Совета посылалось «яматской парчи — 10 кусков, цветного атласу — 10 кусков» [3, л. 7].

По всему маршруту следования (Египет, Франция, Англия, Голландия, Германия) до России отечественные дипломаты собирали разнообразную информацию, имевшую отношение к японскому посольству, с тем чтобы в Санкт-Петербурге смогли достойно принять гостей. Особый упор делался на церемониал встреч, пристрастия отдельных важных персон, кухню и места посещения японских представителей. Официальная переписка, за редким исключением, велась на французском языке каллиграфическим почерком чернилами черного цвета. Можно отметить, что депеши на имя князя Горчакова от послов во Франции, Англии, Голландии и Германии написаны исключительно на французском. Сообщения на имя Н.П. Игнатьева, главы Азиатского департамента, особенно из азиатских стран, были на русском. Редкая переписка частного характера, например из Германии, между чиновниками различных ведомств МИД и других министерств также велась на русском языке и порой написана небрежным почерком с массой сокращений.

Российский представитель 31 марта / 12 апреля 1862 г. из Парижа сообщает, что японское посольство «прибыло в Марсель 3 числа этого месяца» на борту английского корабля «Нумалауа». Когда судно входило в порт, отдали салют пушечными выстрелами из крепости, на берегу был выстроен почетный караул батальона пехоты (*bataillon de infanterie*), сопровождал их камергер маркиз де Тревиз (*Le Chambellan Marquis de Trevis*), личный представитель Наполеона III [3, л. 74]. Приводится поименный состав посольства, кроме слуг. Отмечается, что один из переводчиков, семнадцатилетний Тати Хиросаку (*Tatchi Kozack*<sup>8</sup> 立広作), немного говорит и читает по-французски и, очевидно, будет крайне полезен послам во время их пребывания во Франции [3, л. 76 об.]<sup>9</sup>. Русский посол особое внимание уделял церемонии встречи, отметив, что при входе в порт Марселя в честь японского посольства был отдан салют 17-ю выстрелами пушек крепости [3, л. 83–83 об.].

Из Парижа, окончательно не договорившись с французским правительством об отсрочке открытия для иностранцев портов Хёго и Ниигата, а также городов Эдо и Осака, японское посольство отправилось в Лондон, куда должен был прибыть Олкок. Он принимал активное участие подготовке к поездке японской миссии и был в курсе всех договоренностей. В Лондоне постоянный контакт с японцами поддерживал первый секретарь русского посольства господин Сабуров [3, л. 67–68 об.]. Как и во Франции и ее столице Париже, так и в Англии и ее столице Лондоне была организована обширная программа с посещением множества мест. Наконец после прибытия в Лондон Олкока переговоры перешли в заключительную стадию и завершились подписанием Меморандума, который позже и лег в основу соглашений всех остальных государств, с которыми поддерживала на тот момент дипломатические отношения Япония. Меморандум подписали 6 июня 1862 г. по григорианскому календарю от имени Великобритании Рассел, а от имени Японии три посла. Сразу же конфиденциально английское правительство передало текст соглашения русскому посольству в Лондоне, которое переправило его в Санкт-Петербург. Меморандум был отправлен приложением в двух экземплярах к депеше № 108, датированной 4 / 16 июня 1862 г. Вероятно, текст соглашения был приложен к самому письму позже и сразу же отправлен в столицу Российской империи 10 июня. Регистрационная запись МИД России № 2873 датирована 19 июня 1862 г. и сделана фиолетовыми чернилами в отличие от самого текста сообщения, написанного черной тушью (очевидно, обычная практика делопроизводства официальных учреждений Российской империи). Еще до завершения переговоров русский посол извещает МИД России в депеше на французском языке, что правительство Ее Величества Великобритании согласно пойти на уступки японской стороне: отложить открытие портов и городов Эдо и Осака для свободного посещения иностранцев на пять лет взамен на уступки японцев в торговле и других областях [3, л. 53]. Кроме того, МИД Англии извещало российскую сторону о самом ходе переговоров. Подчеркивалось, что отказ договорных держав от права на открытие портов и городов является необходимой и вынужденной мерой в сложившейся обстановке [3, л. 69]. Рассел заблаговременно предупреждал князя Горчакова, что японская делегация может поднять три вопроса на переговорах в Петербурге, а именно: 1) запрет на вхождение в японские порты иностранных военных кораблей, 2) согласие договорных держав на запрет экспорта из Японии продуктов питания из-за их нехватки на внутреннем рынке, 3) изменения в денежной системе Японии [3, л. 69]. Англичане ответили на это следующим образом: 1) правительство Ее Величества не пойдет ни на какие ограничения относительно военных кораблей, но вместе с тем за-

явило, что они будут появляться в японских портах в особых случаях, 2) английская сторона согласна с ограничениями, касающимися вывоза из страны продуктов питания, но в то же время рассматривает эти ограничения как временную меру, вызванную неурожаем или другими негативными факторами, и будут приниматься они с согласия представителя Ее Величества в Японии, 3) этот вопрос требует детальной проработки и требуется провести консультации со всеми заинтересованными сторонами в Англии, тем не менее эта проблема должна быть решена с позиций права и справедливости [3, л. 69 об.]

Через несколько дней после подписания Меморандума японская делегация отбыла в Голландию. Церемония приема японского посольства у короля Голландии была подробно расписана. Она состояла из 11 пунктов [3, л. 98–100]. Приводится полный список посольства с указанием, что к нему позже в Англии присоединились Морияма Такитиро: (Mori-yama Takitsiro)<sup>10</sup> и Футинобэ Токудзо: (Futsinobe Tokuzo):<sup>11</sup>, прибывшие в Лондон вместе с Олкоком. Отмечается, что делегация состояла из 36 человек (22 чиновников, 14 слуг), но к ним присоединились еще два человека, и численность достигла 38 человек. В деле присутствует красочные меню обедов с изображением трех японских гербов от 3 и 5 июля 1862 г.

2 июля по юлианскому календарю на имя Горчакова пришла телеграмма № 48 из Гааги, извещавшая о том, что на следующий день японская миссия отбудет в Берлин [3, л. 109]. Посольство прибыло 19 июля и поселилось в гостинице «Брандербург» (Brandebourg). Кайзер принял его 21 июля. Церемониал был еще более подробно расписан, чем в Голландии, состоял из 11 пунктов и опубликован готическим шрифтом накануне в немецких газетах за подписью церемониймейстера графа Гтильфриба (Gtillfried), вырезка содержится в деле [3, л. 115–120].

Представляет интерес письмо, носящее частный характер, написанное на простой бумаге небольшого размера, сложенной вдвое. Помечено оно 2 августом 1862 г. и написано русским чиновником в Берлине. Судя по почерку, его автором является барон Ф.Р. Остен-Сакен (1832–1916). В нем он сообщает, обращаясь к некоему «любезному и многоуважаемому Александру Алексеевичу», что наконец он в состоянии исполнить поручение и прислать «совершенно полный список» японского посольства. Но список этот необычный. Написан он иероглифами, или, как пишет отправитель, «обыкновенным японским шрифтом». Несколько раз Остен-Сакен пытался получить от японцев список, написанный по-японски, через господина Бунзена, но ничего не получилось. Бунзен отговаривался тем, что японцы «зело ленивы, что почти невозможно заставить их написать» [5, л. 77]. Остен-Сакен достал книгу, изданную в Голландии в память пребывания японского посольства, где приводятся иероглифически фамилии и имена членов делегации. Он их переписал, уверяя, что копия верная. Из чего можно сделать вывод, что автор письма разбирался в японском языке. Видимо, официальные депеши российского представителя в Германии содержали полную информацию о посольстве, так как барон замечает: «Я не пишу ничего Департаменту, потому что не могу ничего прибавить к официальным депешам Барона Моренгейма». Особо отмечает прибытие Морияма Такитиро: «с которым мы были в самых лучших отношениях в Японии» [5, л. 78–78 об.]. Также Федор Романович отмечает, что «японцы подвержены здесь некоторой дисциплины, им не дают, например, вина а discretion (с франц. вволю. — В.К.), за исключением Мориамы, которому как необходимейшему человеку при переговорах все дозволено» [5, л. 78–78 об.]. Специально для делегации были показаны учения по-

жарных и лечебные учреждения. А также «вчера Посланников пригласили на смотр публичным женщинам, который производит полиция каждую неделю. Несколько сот голых женщин подверглись медицинскому осмотру в присутствии Посланников, вторых это так заинтересовало, что они остались до самого конца» [5, л. 78]. Отмечается, что введены ограничения на свободное передвижение участников делегации самими посланниками. Так, в частности, нельзя самовольно отлучаться из места проживания позднее 6 часов вечера, если посольство не приглашено принимающей стороной в театр или в увеселительные места. Японцам настолько понравилось в Германии, что автор письма опасался, что отъезд в Россию будет отложен. Но посольство отправилось в Россию, как и планировалось, 5 августа, во вторник [5, л. 78 об.].

Еще в январе 1862 г. была составлена служебная записка, написанная, как явствует из приписки, Яматовым (он же Татибана Косай). Озаглавлена она «Прием иностранного посла в Японии». Российские дипломаты имели уникальную возможность привлечь к работе по подготовке приема посольства японца, вывезенного из Японии И.А. Гошкевичем и ставшего чиновником Азиатского департамента Министерства иностранных дел. Но возникает один вопрос: мог ли Яматов знать о церемонии приема иностранных послов при дворе сёгуна, если он сам покинул Японию вместе с частью миссии графа Путятина, когда только-только завязались официальные отношения с иностранными державами. В тексте речь идет об императоре, но император (тэнно) в то время вообще не принял ни одного иностранного посла. Термин «тайкун» не используется. Некоторые пункты вызывают сомнение, например седьмой: «Во дворце сопровождает посла почетный конвой, который не позволяет народу переходить дорогу, в противном случае посол может считать себя оскорбленным» [5, л. 18]. Не является ли этот пункт служебной записки отражением традиций и практики, связанной с процессией даймё: (даймё: ге:рэцу), которые должны были посещать в определенное время Эдо, столицу сёгуна. Незнание этого правила стоило жизни английскому купцу Ричардсону, который, сам не зная того, проявил неуважение к Симадзу Хисамицу 島津久光 (1817–1887), одному из самых могущественных князей Японии, главе клана Сацума, возвращавшегося из Эдо на Кюсю. Инцидент произошел как раз в то время, когда посольство еще находилось в Европе — 14 сентября 1862 г. (инцидент в Намамуги) — и вызвал негативную реакцию европейцев. А упоминание о короне у императора вызывает недоумение, потому как ее просто не было. Так, в пункте 17-м, последнем, говорится: «Наконец ИМПЕРАТОР назначает послу день прощания <...>, и на этот раз ИМПЕРАТОР обыкновенно бывает не в короне» [5, л. 19 об.]<sup>12</sup>. Тем менее при приеме японского посольства в Зимнем дворце много было заимствовано из этой записки: угощение чаем и конфетами, визит к цесаревичу, осмотр достопримечательностей столицы после аудиенции у императора. В примечании Яматов описывает, как должно быть обустроено жилье посольства. Он отмечает, что постоянно должны поставляться зелень, свежая рыба, кондитерские изделия и вина. Завершается записка словами: «Устройство комнат и убранство их по вкусу японцев я могу удовлетворительно выполнить тогда, когда отведена будет квартира и доставлено все необходимое» [5, л. 20 об.].

В подарок японским посланникам были преподнесены Азиатским департаментом «с золотым образом» четыре экземпляра японско-русского словаря, подготовленного к изданию Гошкевичем в сотрудничестве с Яматовым. 20 июня 1862 г. было отдано распоряжение выплатить за эту работу переплетчику Крауту 9 рублей 90 копеек серебром [3, л. 10].

Азиатский департамент 2 июля 1862 г. уведомил морское министерство о необходимости послать 10 июля казенный пароход в Штетин (Германия) для доставки в Санкт-Петербург японского посольства [3, л. 15–15 об.]. Но днем позже, 3 июля, департамент просил повременить с отправлением судна [3, л. 16]. Таможене было дано указание беспрепятственно пропустить вещи посланников и сопровождавших их лиц [3, л. 17–18]. Для встречи в Германии и сопровождения японской делегации в Россию Азиатским департаментом был назначен 9 июля особый чиновник — надворный советник барон Остен-Сакен [3, л. 19–20]. Морское министерство 10 июля уведомило департамент, что для доставки посольства назначен пароход-фрегат «Смелый» и что 12 июля он отправится в Штетин, взяв на борт чиновника, командидуемого Министерством иностранных дел [6, л. 93 об.]. Газета «Санкт-Петербургские ведомости» от 22 июля, № 159, сообщает: «“Смелый” — это большой колесный пароход, с огромными, хорошо отделанными каютами, вполне удобными для размещения многочисленной свиты посланников». Экипаж состоял из 251 человека [6, л. 92]. Морское министерство сообщает Азиатскому департаменту, что на борту корабля от их ведомства будет находиться капитан-лейтенант А.Ф. Можайский (1825–1890), которого «Государь Император Высочайше повелел <...> назначить на пароходофрегат Смелый для сопровождения Японского посольства» [6, л. 4]. К нему надо будет обращаться барону Остен-Сакену по поводу размещения на борту членов посольства. Командиром корабля был назначен капитан II ранга Левицкий<sup>13</sup>. Для переезда в Кронштадт для всех, кто отправлялся в командировку, был «приготовлен у Английской набережной пароход “Ильмень” 12 июля к 4 часам по полудни» [3, л. 22–22 об.]. 24 июля пришло сообщение из Берлина, что японское посольство утром выехало из столицы Германии, и вечером того же дня ожидали отход парохода из Штетина в Санкт-Петербург. Днем позже, 25 июля, сообщалось, что в 8 часов вечера пароход «Смелый» с японскими гостями на борту вышел из Свиномюнде. Газета «Санкт-Петербургские ведомости» от 1 августа 1862 г. № 166 сообщает любопытные подробности: «... когда перевозили багаж, кажется более 300 ящиков и тюков, тогда единственно очень заботились все члены миссии, это об одном ящике, вроде деревянной клетки, в котором хранились верительная грамота посла и копии с трактатов. “Это моя жизнь”, — говорил несколько раз посланник, указывая на ящик. На денежный сундук не обращали никакого внимания; правда, он весил 20 пуд., и утащить его нелегко было, несмотря на пренебрежение, с которым он был брошен на пристани в Свиномюнде».

Инспекторский департамент Морского министерства заранее уведомил Азиатский департамент Министерства иностранных дел, что для доставки японских гостей в Кронштадт отправится от Английской набережной 26 июля в 6 часов по полудни пароход «Стрельна». На нем же отправились назначенные для встречи в Кронштадте лица. Ожидали прибытия в Санкт-Петербург 28 июля к 2 часам дня [3, л. 23–28].

О прибытии посольства были извещены все высокопоставленные лица. 28 июля 1862 г. с пометкой «доставить немедленно» нарочным на дачу Н.П. Игнатьева (1832–1908), директора Азиатского департамента МИД, на Манежной улице в Петергофе была доставлена телеграмма за подписью Татаринова, в которой сообщалось, что вечером 27 июля в Кронштадт прибыло японское посольство «в девять с половиной часов. В Петербург прибудет в два часа по полудни» [3, л. 11]. Однако в депеше № 3448 Инспекторского департамента Морского министерства Азиатскому департаменту сообщили, что посольство прибыло в Кронштадт в 10 часов вечера [3, л. 28].

Накануне прибытия в Россию японской делегации Инспекторский департамент Мор-

ского министерства сделал запрос в департамент внутренних сношений, какие знаки внимания оказывать в момент прибытия на Кронштадтский рейд «Смелого». Отмечалось, что по свидетельству адмирала графа Е.В. Путятина (1803–1883), а также капитана I ранга К.Н. Посьета (1819–1899) при приеме японских сановников иностранными представителями им пушечными орудиями отдавали «общий национальный салют; с их же стороны иностранцы не встречали подобных знаков внимания» [3, л. 12]. В частности, Посьет письмом от 27 июня 1862 г. по старому стилю сообщал: «Сколько мне известно, условий между нашим Правительством и Японским, касательно встреч начальников миссий или вообще агентов Правительства, до сего времени никаких не постановлено. В бытность в Японии Адмирала Путятина, как равно и в мое посещение портов в Японии в качестве комиссара нашего правительства и при приемах данных японским сановникам судами других наций, которых я бывал свидетелем, — при всех таких встречах был употреблен общий национальный салют. С их же стороны иностранцы не встречают, или, по крайней мере, не встречали подобных знаков внимания, по незнанию или же по нежеланию вообще знать европейские обыкновения» [6, л. 6–6 об.].

На запрос, «какие морские почести должны быть отданы имеющему прибыть на нашем пароходе японскому посланнику», для справки послали выписку из Морского устава о почестях лицам гражданских служб и представителям сухопутных родов войск. Так, например, генерал-фельдмаршалу и полномочному послу полагалось 15 выстрелов, а генерал-майорам, поверенным в делах и генеральным консулам — 9 выстрелов [3, л. 12 об. — 13 об.]. В связи с этим воспользовались также информацией, почерпнутой из депеш российских представителей во Франции, Англии и других стран, где принимали это посольство. В Марселе салютовали 17 пушечными выстрелами, а при осмотре посольством в Англии арсенала Вульвич (Woolwich) им сделан салют 19 выстрелами. В Англии иностранных послов приветствовали 19 выстрелами [3, л. 14]. В открытом море до подхода к Кронштадту японского посольства салютовал 111-ти пушечный винтовой корабль «Император Николай I» 15-ю выстрелами. На что он получил «ровный ответ». Об этом сообщает газета «Санкт-Петербургские ведомости» № 166 от 1 августа 1862 г. То есть при отдаче салюта русская сторона руководствовалась Морским уставом параграфом 892: «Салюты, производимые чинам неморских служб, суть следующие: Генерал-фельдмаршалу, Главнокомандующему и Полномочному Послу, наравне с Генерал-Адмиралом 15 выстрелов» [3, л. 13]. Итикава Ватару 市川渡, однако, в своем дневнике записал, что прозвучало 11 выстрелов: «7-я луна 12-й день (7 августа по григорианскому календарю. — В.К.). Ясно. <...> В 6-м часу встретились с большим военным кораблем, на котором пушки были расположены в три яруса. Приветствовали друг друга сигнальными флажками. После этого, на [безопасном] удалении друг от друга, салютовали 11 пушечными выстрелами» [8, с. 448]. Посольство прибыло в Санкт-Петербург из Кронштадта на придворном пароходе «Стрельна», багаж же доставили пароходами «Славянка» и «Петербург».

Был разработан высочайше утвержденный церемониал въезда в Санкт-Петербург японского посольства. За подписью правителя Экспедиции Церемониальных дел Министерства Императорского двора 19 июля 1862 г. были отправлены депеша в Азиатский департамент о принятии церемониала и три его отпечатанных экземпляра [3, л. 11]. Шереметев, церемониймейстер, действительный статский советник, был назначен Предводителем японского посольства. Он отправился в Кронштадт вместе с церемониймейстерскими помощниками и чиновниками Азиатского департамента для

встречи и сопровождения посольства. Основной состав миссии и встречавшие их лица на придворном пароходе, где было им предложено угощение, отправились в Петербург с Кронштадтского рейда. Прислуга и вещи были доставлены другим пароходом до прибытия посланников. На Английской набережной, на пристани, была построена «рота пехоты со знаменем и музыкою, для отдания чести». Для сопровождения был назначен эскадрон кавалерии и жандармская команда. На пристани встречало множество должностных лиц от разных ведомств. Было подано восемь карет. Два кавалерийских взвода замыкали «поезд». Был определен маршрут следования от пристани по Английской набережной, Исаакиевской и Адмиралтейской площадям, около Зимнего дворца, резиденции императора, по Дворцовой набережной, к Запасному дворцу. У Запасного дворца ждал прибытия посольства почетный караул из одной роты пехоты со знаменем и музыкою. На все время пребывания миссии, вплоть до отъезда, у подъезда постоянно стояли двое часовых. Несколько чиновников Министерства иностранных дел у подъезда и на лестнице Запасного дворца встречали посланников, а в парадных комнатах дворца — Санкт-Петербургский комендант. Через некоторое время после приезда посольства в тот же день нанес визит Военный Генерал-Губернатор. Затем Вице-канцлер и Министр ИМПЕРАТОРСКОГО Двора прислали к посланникам своих представителей для поздравления с благополучным приездом. В день приезда также посетили посланников Товарищ Министра Иностранных дел и Обер-Церемониймейстер [3, л. 9–10]<sup>14</sup>.

По прибытии посольства и размещении в Запасном дворце посланники отправили на имя князя Горчакова благодарственное письмо на голландском языке: «Сим честь имеем сообщить Вашему Высочеству нижеследующее. Сегодня нашего 14 дня (28-го русского июля) мы прибыли к сему двору с нашими спутниками. Все распоряжения для нашего переезда и пр. должно приписать благорасположению Вашего Высочества, и мы за это весьма признательны» и далее следуют слова признательности и благодарности. В конце письма дата поставлена по японскому календарю (Бункю: 2-й год 7-я луна 14-й день, что соответствует 9 августа 1862 г. по григорианскому календарю). Перевел с голландского Надворный Советник Иессен [5, л. 20–20 об.]. Письмо в двух экземплярах, на японском и голландском языках, было запечатано в сером конверте продолговатой вытянутой формы. На нем сверху и снизу стоят оттиски печати посольства. Послание явно написано писцом, в том числе и фамилии трех посланников, а подписи в виде анаграмм (花押 као:) — послами. Письмо было, по-видимому, подготовлено заранее. В суете первого дня вряд ли было время заниматься этим.

Обе стороны делали последние приготовления к аудиенции у Российского императора. 31 июля канцелярия Министерства ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА (отделение 2) уведомило Вице-Канцлера Князя Горчакова, что ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО извоило назначить торжественную аудиенцию Японскому Посольству 2 августа, в 1 час по полудни [5, л. 50].

Надворный Советник Иессен перевел копию письма Тайкуна Российскому Императору с голландского. «С искренним почитанием Мы сообщаем Вашему Величеству Императору Российскому (следующее).

С тех пор как Наши Высокостепенные подданные: Нагай — Генбано-ками, Ивасэ-Хигоно-ками и Исюда-Ханзабуро согласились по нашему Повелению с Вашим Уполномоченным Посланником Графом Евфимием Путятином касательно дружественных и торговых сношений и обменялись трактатом в городе Иедо, отношения между обеими Империями развиваются со дня на день.

Вследствие сего Мы отправляем с сим Нашего Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра Такеноуци Симоцукено-ками, Нашего Полномочного Министра Мацыдаира Ивамино-ками, Нашего Полномочного Министра Кионгок-Нотоно-ками и проч. в Ваше Государство чтобы доказать Вам Наши чувства искренней приязни. Эти три поименованные (лица) Нами особенно избраны и назначены. Мы просим Ваше Величество верить им и принять их милостиво.

Мы пользуемся сим случаем усугубить благоприязненные расположения и вместе с тем желаем Вашему Величеству счастья и успеха Вашей Империи.

20-го дня, 12 месяца

1-го года Бюнь-Кю (19 января 1862 г. по григорианскому календарю. — В.К.).

Имя и печать Его

Величества Тайкуна.

Переводчик: Надворный Советник Иессен» [5, л. 52–52 об.].

Это письмо было передано посланниками во время посещения Министерства иностранных дел 31 июля 1862 г. [5, л. 51].

Для приема посольства в Зимнем дворце был разработан специально «ВЫСОЧАЙШЕ утвержденный» церемониал, который был переслан Н. Челищевым из экспедиции церемониальных дел Министерства императорского двора 27 июля в печатном варианте. Один на французском языке, другой — на русском [5, л. 26–30]. Церемониалом были установлены рассадка членов миссии по каретам, маршрут следования по городу, маршрут движения посольства по Зимнему дворцу, расстановка придворных и членов посольства в Тронном зале, порядок аудиенции, форма одежды. Церемониал был отпечатан в типографии «С. Петербургского журнала». Маршрут следования кортежа от Запасного дворца был следующий: по Дворцовой набережной, около Зимнего Дворца, внутренний двор Зимнего дворца, Посольский подъезд. В отличие от встречи на пристани на Английской набережной было подано не восемь, а девять карет. Посольство в Зимнем дворце поднялось по парадной лестнице в Николаевский зал, где японцев встретил Церемониймейстер, через Аванзал в Николаевский зал-камеру отдохновения, где встретили посланников Директор Азиатского Департамента, Гофмаршал и Обер-Церемониймейстер.

С этого места в последний момент были внесены изменения. Об этом сообщает дополнение к церемониалу, написанное от руки. В частности, в дополнении говорится, что ящик с письмом из камеры отдохновения относится в комнату переодевания, где находится под присмотром японских чиновников до конца угощения. Посланники, переодевшись, отправляются на аудиенцию вместе с этим ящиком.

После угощения чаем, кофе и сладостями посольство проследовало из Николаевской залы через Помпейскую галерею, Фельдмаршальскую и Петровскую залы в Гербовый зал. Там они ожидали начала аудиенции.

Император принял посольство в Тронном зале. Он стоял вместе с императрицей по правую руку перед троном. За императрицей стояли Великие княгини, а за императором — цесаревич и ближайшие родственники мужского пола. В стороне, несколько отступя от наследника, стояли министр ИМПЕРАТОРСКОГО Двора, вице-канцлер, военный министр, военный генерал-губернатор, командующий ИМПЕРАТОРСКОЮ главною квартирою, товарищ министра иностранных дел, который принял от ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА кредитивные грамоты Императора Японского, директор Азиат-

ского департамента и т.д. За Императрицей и Великими княгинями несколько в стороне стояли Статс-Дамы, Камер-Фрейлины и т.д. Замыкали эту свиту Камер-Юнкер и два Камер-Пажа. По левую сторону Тронной залы выстроились военные согласно воинскому званию, по правую сторону залы — все фрейлины и прочие придворные. По обеим сторонам Тронной залы были выстроены гренадеры Дворцовой роты. Все мужчины были одеты в парадную форму, а дамы были в русском платье. Когда все построились и подготовка к аудиенции была завершена, по повелению Александра II Обер-Церемониймейстер и Предводитель Посольства ввели Посланников в зал. Посольство, дойдя до середины зала, остановилось и осталось посреди зала, ожидая аудиенции. Тогда Обер-Церемониймейстер пригласил трех посланников приблизиться к трону. В Тронный зал все три Посланника вошли рядом, за ними шел начальник свиты с письмом в ящичке, сзади него вошли три ассистента и переводчик.

Первый Посланник, приблизясь к трону, вынув письмо из ящичка, произнес приветственную речь на японском языке, которую первый секретарь Японского Посольства Морияма Такитиро: перевел на голландский, а чиновник российского Министерства иностранных дел надворный советник Иессен — на русский. После этого Такэноути преподнес письмо ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ вместе со списком подарков от Тайкуна. Александр II передал письмо и список заместителю министра иностранных дел.

В деле нет самого письма Тайкуна, но сохранился перевод на русский язык речи японского посланника, с которой он обратился к Александру II.

«Перевод.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО.

Исполняя повеление Его Величества Тайкуна, мы удостоились сегодня чести представиться Вашему Императорскому Величеству.

Со времени заключения трактата, сношения обеих Империй более и более развиваются. Вследствие сего Тайкун повелел нам доказать Его чистосердечные чувства чрез поднесение Его собственного письма, и возобновить уверения содержащиеся в трактатах.

По сему случаю мы желаем благоденствия ВАШЕМУ ВЕЛИЧЕСТВУ и счастья и преуспеяния ВАШЕМУ народу» [5, л. 57].

Опубликованный в работе профессора Судзуки Такэо текст приветствия посланника практически полностью совпадает с приведенным, но с одной, на наш взгляд, существенной разницей: обращение «ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО» представлено как «皇帝閣下 ко:тэй какка» (т.е. Ваше Императорское превосходительство. — В.К.), а не «皇帝陛下 ко:тэй хэйка» (Ваше императорское Величество) и даже не 皇帝殿下 (ко:тэй дэнка — Ваше Императорское Высочество? — В.К.) [10, с. 172]. Вероятно, японская сторона использовала в то время титул «дэнка 殿下» по отношению к Российскому императору. Повторяю, самого текста посла на японском языке обнаружить не удалось, но есть расписка в получении подарков Тайкуну от Российского императора на японском языке, которое вручило посольство Министерству иностранных дел России. В частности, заголовок расписки на японском языке написан следующим образом: «魯西亜帝殿下より大君殿下に贈物の目録» [5, л. 2]. Русская сторона перевела этот заголовок как «Перечень подарков от Его Величества Российского Императора Его Величеству Тайкуну», в то время как следовало бы перевести «Перечень подарков от Его Высочества Российского Императора Его Высочеству Тайкуну». Из этого можно предположить, что и в остальных документах послы обращались к Российскому императору, упот-

ребляя титул «Высочество», а не «Величество». По всей видимости, японская сторона рассматривала государей европейских государств равных Тайкуну-дэнка (Сёгуну), а не японскому императору (ТЭННО: ХЭЙКА 天皇陛下). Российская сторона, в отличие от европейских держав, по всей видимости, поняла этот нюанс и собиралась соответствующим образом отреагировать. Так, в деле присутствует первоначальный проект ответной речи Государя Императора с многочисленными исправлениями, где, в частности, к сёгуну он должен был обратиться со словами: «Светлейший Тайкун, Повелитель Японского Государства» [5, л. 96]. Но в конце концов отказались от этого замысла.

В «Санкт-Петербургских ведомостях» № 170 от 5 августа были обнародованы приветственная речь посла (она приведена выше) и императора:

«С особенным удовольствием приветствую представителей Его Величества Тайкуна. Сношения России с Японией всегда были дружелюбны. Соседство обеих империй протекающие от того общие интересы представляют ручательство в продолжении и упрочении существующих отношений. Ценю дружелюбие Тайкуна, доказанное мне отправлением посольства, и приятные чувства Его Величества, выраженные Мне через ваше посредство.

Надеюсь, что пребывание ваше в Моей столице удостоверит и вас в искреннем расположении России к Японии».

В редакции «Северной пчелы» и «Санкт-Петербургских новостей» были направлены для напечатания «подлинный текст ответной речи Его Величества Государя Императора Японским Посланникам, а также русский перевод приветственной речи посланников» [5, л. 76].

Затем первый посланник представил императору чиновников посольства. Аудиенция закончилась, и посольство удалилось в Гербовый зал. Там их ждал вице-канцлер. Посланники выразили благодарность вице-канцлеру за аудиенцию, передали список подарков ему от Тайкуна, испросили позволения поднести Императору подарки от имени трех посланников и передали их список. Об этом они уже говорили при посещении вице-канцлера 31 июля. После этого посольство было проведено обратно, по тем же залам, на Посольский подъезд. И в тех же придворных каретах с соблюдением того же этикета посольство вернулось в Запасной дворец. Внутренние караулы в Зимнем дворце и часовые при дверях отдавали посланникам воинские почести. В комнатах Зимнего дворца, где проходило посольство, растворялись обе половины дверей [5, л. 27–34].

Изменения, внесенные в уже отпечатанный и опубликованный в газетах церемониал, были произведены в самый день его проведения. Об этом свидетельствует помета карандашом: «на особом листе приложено к этому церемониалу изменение, придуманное в самый день церемониала» [5, л. 31]. Это были не столько изменения, сколько уточнения, начиная с момента нахождения посольства «в камере отдохновения», где угощали членов посольства кофе, чаем и сладостями. Более подробно были прописаны прохождение посольства в Тронный зал, порядок передачи письма Тайкуна первому посланнику, указано было, кто переводит речи, а также порядок возвращения в Гербовый зал и общение там с вице-канцлером.

После приема во дворце Итикава Ватару в дневнике запишет, что по сравнению со всеми другими государствами церемония прошла чинно, без суеты и шума, со знанием правил приличия [8, с. 458].

Во время пребывания посольства в Петербурге императрице были подарены картины, написанные по ее просьбе. За что ею было «благоугодно повелеть» подарить ящик

с рисовальными принадлежностями «Японцу из свиты <...> Посольства, рисовавшему для Ея Величества». Азиатский департамент уплатил 150 рублей магазину Х.К. Крихъ. Распоряжение было отдано 3 сентября. Миянага Такаси отмечает, что три картины (вид горы Фудзи-сан, река Нева и коршун) были написаны двумя врачами: Такасима Ю:кэй 高島祐啓 и Кавасаки До:мин 川崎道民 [4, с. 264]. Российская императрица, видимо, предполагала, что эти картины рисовал один человек.

Миссия отбыла поездом в Германию 4 сентября [5, л. 103–104]. Уже после отъезда посольства 7 ноября 1862 г. секретарь Марии Александровны отправил депешу за № 2371 на имя Николая Павловича Игнатьева о том, что «Государыня Императрица, удостоив благосклонно принять поднесенную <...> фотографию Шпаковского, изображающую Японское Посольство, соизволила пожаловать Г-ну Шпаковскому в подарок, препровождаемый <...> брильянтовый перстень». На этой же депеше сделана помета, что «Высочайше пожалованный перстень получил капитан Шпаковский» [5, л. 129]. Его пригласили в Азиатский департамент и передали подарок [5, л. 130–131]. Сейчас эта фотография хранится в запасниках Эрмитажа.

По распоряжению А.М. Горчакова Азиатский департамент командировал чиновника для сопровождения посольства до прусской границы. В случае необходимости он имел полномочия напрямую обращаться за содействием и помощью к представителям местных властей [5, л. 107].

Накануне отъезда посланники обратились в Министерство иностранных дел Российской империи с просьбой поднести цесаревичу свои «фотографические карточки и две сабли». Видимо, речь идет о японских мечах. Фотокарточки и «сабли» были переданы цесаревичу.

## Примечания

<sup>1</sup> В то время транскрипция топонимов, имен и фамилий еще не была упорядочена. В тексте приводятся фамилии, имена и титулы так, как написано в документе. Однако старая орфография заменена на новую. Сейчас это имя читается как Такэноути Симоцукэ-но ками (竹内下野守). Орфография и пунктуация в цитируемых документах сохранена в первоизданном виде за исключением тех букв, которые были изъяты из обращения после революции. Долгота звука в японских словах передается двоеточием.

<sup>2</sup> Мидзуно Тикуго-но ками (水野筑後守).

<sup>3</sup> Куваяма Саэмоннодзё: (桑山左衛門尉).

<sup>4</sup> Кё:гоку Ното-но ками (京極能登守).

<sup>5</sup> Даты приводятся без изменений по старому стилю (не по григорианскому календарю), как указаны в документах.

<sup>6</sup> Так указана дата в документе. В знаменателе приводится дата по григорианскому календарю, в числителе — по юлианскому.

<sup>7</sup> Можно предположить, что речь идет о комплекте: японском мече катана и вакидзаси. Но с уверенностью нельзя говорить до тех пор, пока не будет обнаружен список подарков от сёгуна российскому императору на японском языке.

<sup>8</sup> Во Франции, вероятно, имя, состоящее из двух последних иероглифов, прочитали по *онно-му* чтению: Ко:саку. Однако следует читать Хиросаку. Именно это чтение указывает профессор Миянага [4, с. 23].

<sup>9</sup> Дословно написано в депеше: «Un seul des interpretes Tatchi Kozack, parle un peu la langue francaise et la lit, et il rendra evidement de grande services aux Ambassadeurs — pendant leur sejour en France».

<sup>10</sup>森山多吉郎

<sup>11</sup>淵辺徳蔵

<sup>12</sup>С основными положениями записки можно ознакомиться в статье А.Р. Соколова [7, с. 46–47, 62–63].

<sup>13</sup>В документах РГАВМФ (ф. 283, оп. 3, д. 1826) и газетах того времени указывается у Левицкого воинское звание капитана II ранга, а в депеше Азиатского департамента, направленной в Комиссариатский департамент Морского министерства ошибочно — капитан-лейтенант [5, л. 60].

<sup>14</sup>Н.А. Самойлов и А.Р. Соколов описывают эту же церемонию по документам, хранящимся в РГИА [9, с. 40–49; 7, с. 49–50, 64–65]. В настоящей статье использовались документы АВПРИ, в которых зафиксированы некоторые изменения, внесенные, в частности, в церемониал приема посольства в Зимнем дворце.

## Литература

1. АПРИ, СПб. ГА IV-2. Ф. 161, 1856–1865. Оп. 119. Д. 5.
2. Дайнихон комондзё (大日本古文書 = Документы Великой Японии). Бакумацу гайкоку канкэй мондзё-но годзю:ити (幕末外国関係文書之五十一 = Документы по внешним сношениям в последние годы правления бакуфу. Т. 51). Токио, 2007. 474 с.
3. АВПРИ, СПб. ГА I-6. Ф. 161, 1861–1862. Оп. № 5. Д. № 1.
4. Миянага Такаси 宮永孝. Бакумацу кэнъо: сисэцудан (幕末遣欧使節団 = Дипломатическая миссия в Европу в последние годы правления бакуфу). Токио, 2006. 377 с.
5. АВПРИ, СПб. ГА I-6. Ф. 161. Оп. № 5. Д. № 1а.
6. РГАВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Д. 1826.
7. Соколов А.Р. О приезде в Санкт-Петербург японского посольства в 1862 году // Нитиро канкэй сирё:-о мэгуру кокусай кэнкю: сю:кай. Ёко:Сю: (日露関係史料をめぐる国際研究集会. 予稿集 = Международная конференция «Исторические источники по российско-японским отношениям»: Сборник статей). Токио, 2006. С. 42–71.
8. Итикава Ватару 市川渡. Биё: о:ко: манроку (尾蠅欧行漫録 = Записки о путешествии в Европу) // Кэнгай сисэцу никки сансю: (遣外使節日記纂輯 = Собрание дневников членов посольств, посылаемых за границу). Токио, 1929. Т. 2. С. 249–562.
9. Самойлов Н.А. Памятные места, связанные с пребыванием в Петербурге японского посольства в 1862 г. // Восток в коллекциях первоисточников Санкт-Петербурга. Ниигата, 2004. С. 40–49.
10. Судзуки Такэо 鈴木健夫. Ё:роппадзин-но мита Бункю: сисэцудан (ヨーロッパ人の見た文久使節団 = Дипломатическая миссия годов Бункю: глазами европейцев). Токио, 2005. 190 с.